

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17303

EDN: WSFTRK

Христианские «ключи» идейно-художественной концепции романа А. М. Ремизова «Пруд»

А. М. Грачева

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: irliran@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована идейно-художественная концепция первого романа А. М. Ремизова «Пруд» (1901–1902, 1911, 1925), к работе над которым писатель возвращался в течение всей жизни. Историко-литературный анализ текста выявил лежащий в основе романа символический параллелизм. В «Пруде» реалистический автобиографизм, восходящий к истории московских детства и юности Ремизова, а также к перипетиям его революционной деятельности, соединен с символическим планом. В его основе лежит христианская эсхатологическая концепция о конце времен и Втором Пришествии Иисуса Христа. Текст романа основан на многочисленных выявленных цитатах из Евангелия и богослужебных книг, а также на пересказах ветхозаветных и новозаветных апокрифов. Согласно ремизовскому символическому толкованию трагической современности XX в., мир до сих пор пребывает в отрезке религиозно-мифологического времени, соответствующем моменту завершения земного искупительного подвига Иисуса Христа, после Его распятия и перед Его Воскресением. Многократное возвращение писателя к совершенствованию романа «Пруд», попытки вновь и вновь добиться его переиздания связаны с базовой значимостью этого текста для понимания религиозно-философских взглядов А. М. Ремизова.

Ключевые слова: Алексей Ремизов, русская литература XX века, «Пруд», христианская эсхатология, автобиографизм, символический параллелизм

Для цитирования: Грачева А. М. Христианские «ключи» идейно-художественной концепции романа А. М. Ремизова «Пруд» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 302–313. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17303. EDN: WSFTRK

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17303

EDN: WSFTRK

Christian “Keys” to the Ideological and Artistic Conception of A. M. Remizov’s Novel “The Pond”

Alla M. Gracheva

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: irliran@mail.ru

Abstract. The article analyzes the ideological and artistic conception of A. M. Remizov’s first novel “The Pond” (1901–1902, 1911, 1925), to which the writer returned throughout his life. A historical and literary analysis of the text reveals the symbolic parallelism underlying the novel. In “The Pond,” realistic autobiography, harking back to Remizov’s childhood and youth in Moscow, as well as the vicissitudes of his revolutionary activities, is interwoven with a symbolic dimension. It is based on the Christian eschatological concept of the end times and the Second Coming of Jesus Christ. The novel incorporates numerous quotations from the Gospels and liturgical books, as well as retellings of Old and New Testament apocrypha. According to Remizov’s symbolic interpretation of the tragic modernity of the 20th century, the world still exists in a period of religious-mythological time corresponding to the moment of completion of Jesus Christ’s earthly redemptive work, after His crucifixion and before His Resurrection. The writer’s repeated attempts to refine the text of “The Pond” and to have it republished are linked to the fundamental significance of this work for understanding A. M. Remizov’s religious and philosophical views.

Keywords: Alexey Remizov, 20th-century Russian literature, “The Pond”, Christian eschatology, autobiography, symbolic parallelism

For citation: Gracheva A. M. Christian “Keys” to the Ideological and Artistic Conception of A. M. Remizov’s Novel “The Pond”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2026, vol. 24, no. 3, pp. 302–313. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17303. EDN: WSFTRK (In Russ.)

По рождению Алексей Михайлович Ремизов принадлежал к московскому купечеству. Его мать — Мария Александровна происходила из рода фабрикантов и банкиров Найденовых. Отец, Михаил Алексеевич Ремизов, был известным московским галантерейщиком. Будущий писатель с детства впитал в себя православные традиции, до ломки голоса он пел в церковном хоре, был глубоко осведомлен в богослужебной

литературе. Последняя литературная ученица Ремизова — Наталья Кодрянская так писала со слов мэтра о его детских годах: «Воспитание сразу определилось: внешне религиозное. Дети должны были исполнять повинность религиозной семьи, как полагается, но для них, в конце концов, церковь — это единственное место, где они чувствовали себя легко и свободно. Чего ждал в те времена Алексей? Вот придет весна, наступит Пасха, "Христос Воскресе". В этом слове Пасха — было все!» [Кодрянская: 69].

Юноша, росший на территории владений Найденовых по соседству с принадлежавшей им фабрикой, видел тяжелую жизнь рабочих и не принимал социальную несправедливость окружающей его действительности. В связи с этим не случайно, что в дальнейшем вольнослушатель Московского университета Алексей Ремизов стал последователем марксистского учения, был арестован за активное участие в студенческой демонстрации и впоследствии за революционную деятельность неоднократно подвергался арестам, заключению и ссылкам [Грачева], [Соболев]. И хотя Ремизов всю жизнь сострадал «униженным и оскорбленным», но во время последней ссылки в Вологду (1901–1903) он окончательно отверг революционный путь переустройства мира и осознал свое писательское призвание. Там же он познакомился и подружился с другим ссыльным — студентом-филологом, а впоследствии авторитетным пушкинистом и историком революционного движения Павлом Елисеевичем Щеголевым, который способствовал его литературному развитию и открыл для своего ученика, начитанного в запрещенной литературе, отреченные книги другого рода — мир древнерусских апокрифов и, в частности, их изложение в капитальном исследовании А. Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» [Веселовский].

В Вологде же Ремизов начал писать свой первый роман «Пруд» (первая редакция создана в 1902–1903 гг.). Работа над произведением стала значимым этапом в процессе его самопознания и становления как писателя. Одновременно это был его первый опыт эстетической аккумуляции онтологических и гносеологических представлений, сюжетов и образов,

отраженных как в канонических богослужебных текстах, так и в апокрифической литературе.

По жанровой типологии «Пруд», на первый взгляд, представлял как соединение семейной хроники и романа воспитания. Сюжет основан на истории судьбы Николая Финогенова — потомка купеческого рода Огорелышевых. Роман начинался с изображения детства героя, далее повествовал о его учебе, участии в политической демонстрации, аресте, ссылке и драматическом конце (в первой редакции — его смерти; во второй — повторном лишении свободы за совершенное убийство). И внешность, и биография героя во многом совпадали с авторскими [Данилевский]. Но произведение не было романом-автобиографией Ремизова.

Сюжет романа «Пруд» — внефабульный, это история изменения *самосознания* его творца. И здесь существенную роль играет восприятие и усвоение Ремизовым (еще раз вспомним — ссыльным революционером) космогонических, антропологических и эсхатологических представлений, сохраненных в апокрифической литературе.

Новаторская идейно-художественная концепция «Пруда» была манифестно выражена в первой редакции произведения, опубликованной в журнале «Вопросы жизни» со значительными цензурными купюрами в 1905 г.¹ Полностью этот текст, лишь частично стилистически исправленный, был издан в 1908 г.²

Как удалось установить, во многом идейная основа романа базировалась на аккумулированном художественным сознанием автора комплексе апокрифических текстов, процитированных или пересказанных А. Н. Веселовским в исследовании «Разыскания в области русского духовного стиха». Апокрифическая литература была также непосредственным источником отдельных сюжетных мотивов романа.

Фабула романа «Пруд» — последовательность жизненных вех Николая Финогенова. Существование этого героя совершает полный круг — от рождения до совершенного им конечного преступления (в первой редакции — до его смерти). В основе

¹ Ремизов А. М. Пруд // Вопросы жизни. 1905. № 5. С. 61–100; № 6. С. 1–42; № 7. С. 1–38; № 8. С. 87–124; № 9. С. 3–46; № 10–11. С. 1–50.

² Ремизов А. М. Пруд. Роман. СПб.: Сиринус, 1908. 284 с.

архитектоники романа лежит последовательно проведенный циклический принцип.

Подобное строение романа и символика его названия («Пруд») становятся понятными, если иметь в виду, что Ремизов, моделируя художественный макрокосм своего произведения, опирался на апокрифические легенды о начале и конце мира.

Ремизов изучал космогонические и антропогонические легенды, основанные на дуалистических представлениях о силах, властвующих над миром, и, в частности, на изданную Е. Барсовым повесть «О тивериадскомъ морѣ»:

«Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивериадское, а береговъ оу него не было; и сниде Господь по воздуху на море тивериадское и видѣ Господь на мори гоголя плывуща, а тотъ гоголь Сотанаиль» [Веселовский; вып. 5: 47].

Согласно изложенной Барсовым космогонической легенде, Бог и Сатанаил = Сатана (в образе птицы — гоголя) вместе сотворили землю и ангелов. В раю Сатанаил стал их главой, но за гордость был низвергнут в ад вместе с частью ангелов. Представление о водной стихии как о первосущности, из недр которой возник земной мир, и послужило мифологическим источником названия романа. Здесь видим свойственное Ремизову метонимическое сужение метафоры: вода = море = пруд. Одновременно с легендарным существовал и вполне реальный «прототип» образа «пруда» — московский пруд недалеко от берега Яузы, на территории владения родственников Ремизова — фабрикантов Найденовых. И. А. Лебедев, биограф главы рода — Николая Александровича, так вспоминал об этой достопримечательности их владений:

«Пруд большой. Сильные родники наполняли его и уводили воду в Яузу. <...> Пруд Найденовых настолько славился чистотой и вкусом воды, что в 1849 г. во время царского приезда для освящения большого Кремлевского дворца в пруду помещались от известного в свое время живорыбного торговца П. И. Мочалова садки, перенесенные с Москвы-реки. <...> В обыкновенные годы в этом пруду всегда водились рыбы: караси, окуни, пескари, карпии (попадались при ловле величиной с аршин и даже более. <...> Рыбы было так много, что ее ловили неводом во всю ширину пруда, на что смотреть собиралось множество соседей. <...>

Обширный пруд отдавался на зиму для колки льда ледоколам за 30–50 руб. за одну зиму. <...> На таком пруду, конечно, существовала купальня и дети бегали в нее по несколько раз в день, выплывая и наружу» [Лебедев: 24–25].

Около этого пруда находился и тот маленький флигель, в стенах которого прошли детство и юность Ремизова.

Экспозиция романа представляет собой пейзажное описание окрестностей и расположенных на их территории строений. Это белый особняк дядей Николая — богачей Огорелышевых и в том числе главы рода — Алексея, прозванного «Антихристом»; принадлежавшая им фабрика с рабочими казармами и, наконец, красный флигель их бедных родственников Финогеновых. Все эти здания расположены вокруг пруда. Здесь начинается жизнь Николая. Отсюда он отправляется в ссылку, унося с собой фотографию знакомого с детства водоема. Сюда же в конце своей жизни герой возвращается, чтобы задушить дядю — «Антихриста», показав ему перед убийством все ту же фотографическую карточку.

Как видим, название произведения возникло на основе «контаминации» мифологического образа и бытовой реалии, связанной с биографией писателя. Художественный принцип, лежащий в основе полисемантичности романного названия, стал основополагающим для всего произведения. Авторский метод состоял в последовательной трансформации объекта художественного творчества: от реалии к символу, от символа к мифу (см. также: [Woźniak: 21–45]).

В романе творчески преобразованы как канонические, так и апокрифические тексты: апокрифы о создании мира Богом и Сатаной, «Хождение Богородицы по мукам», «Видение Исайи», «Видение Григория о последних днях» из «Жития Василия Нового», а также евангельские эпизоды искушения Христа Сатаной и распятия.

Творчески аккумулируя представления, заимствованные из различных источников, писатель создал свой целостный *авторский миф*, а именно: ремизовский эсхатологический апокриф о Втором Пришествии и конечных судьбах мира сего.

С первой главы развивалась одна из центральных лейтмотивных тем романа — тема ожидания Пасхи — Воскресения

Христова. Изначально сообщалось, что городом правит Алексей Огорелышев, прозванный «Антихристом»:

«Сгорбленный, с сведенными крючковатыми руками, <...> за плечами же развевались тончайшие крылья, неумоимо рас-секавшие воздух.

"Антихрист, честное слово! — говаривали фабричные, — и ходить-то путно не может, летает, дьявол, сатана рогатая"» [Ремизов: 304].

На «реальное» повествование как бы «накладывалась» мифологическая параллель — неоднократно изображенное в апокрифических текстах описание «последних времен», когда в мире наступало царствие Антихриста.

В романе «реальная» — социальная тема революционного переустройства мира, связанная с судьбами молодых Финогеновых (сначала старшего брата Александра, затем Николая) и их товарищей, была сопряжена со своей мифологической параллелью — темой грядущего Мессии и преображения мира.

Ремизовский апокриф о Втором Пришествии органично проистекал из авторского разочарования в эсхатологическом оптимизме марксизма (это был один из главных вопросов, над которыми писатель размышлял в Вологде).

Наиболее близкий фактологический источник этого авторского мифа — апокрифическое «Видение Григория о последних днях», славяно-русский текст которого был подробно с обширными цитатами пересказан Веселовским [Веселовский; вып. 6: 185–213]. Ученый отметил, что образы этого видения «могли бы быть благодатным материалом — для нового Данте» [Веселовский; вып. 6: 186].

Во время одиночного заключения главный герой «Пруда» — Николай Финогенов, подобно монаху Григорию, имел видение:

«Он читал написанную на трепещущих огненных свитках судьбу каждого <...>.

Страшные, странные слова горели на этих черных свитках.

И то, что было грехом и преступлением, не было теперь грехом и преступлением, а было пышными кострами, прожигающими миры до их пуповин, лабиринтными путями в лоно нечеловеческих тайн, — и то, что венчалось красотой и святостью, страшило своей чудовищностью и безобразием и трусостью и наглым

лицемерием, — и хаос распускался в созвездия, — и добро менялось тронем со злом, — и там, где низвергались боги и потешались в святотатственных оргиях темные силы, взирало око Бога, — и там, где возносились славословия, хохотал Дьявол. <...>

Но покрывалось пространство густой черной ночью.

Несметные толпы находили и сходились, <...> и они горько шептали:

— Пойми нас!» [Ремизов: 412–413].

Оказавшись в ссылке и увидев без прикрас борцов с царизмом и их дела, герой Ремизова убедился в умозрительности исповедуемых ими политических учений. В романе это показано посредством приема символического параллелизма: ложность телеологической веры революционеров в их способность насильственным путем осуществить преобразование мира раскрывается через ремизовский миф о не воскресшем Христе. К финалу романа лейтмотив ожидания Пасхи трансформировался в мотив обманутого ожидания. Так, Николай повторял: «Не верю Тебе!» [Ремизов: 469].

Продолжением логического развития ремизовского «эсхатологического мифа» была подмена Христа другим — ложным «спасителем» — вечным соперником и «братом» Бога — Сатанаилом (Сатаной).

В видениях главного героя, фактически основанных на использовании автором цитат из евангельского текста (Мф. 24:29–31), а также образов из апокрифического «Видения Григория», Николай Финогенов кощунственно ассоциировал с Мессией самого себя:

«И солнце померкнет, звезды чернее ночи выглянут с черного неба.

А из очей их заструится алый свет — кровь детей — кровь мучеников <...>.

И настанет то, чего так ждали... <...> ...и ты восстанешь и пойдешь по земле <...> и предстанут сонмы существ, жизней, и знаний, и раскроется... око Бога <...>. Застыл Николай, не смел оглянуться: сзади себя чувствовал, будто стоял кто-то и дышал иссушающим холодом.

— Я спасу!» [Ремизов: 473–474].

Кульминация романа — реализация попытки насильственным методом преобразить мир и освободить человечество от страданий — представлена Ремизовым посредством системы символических соответствий.

Ее первое звено — полученное Николаем известие о совершенном террористом Катиным убийстве некоего «князя».

Дальнейшая ступень символического обобщения — совершенное уже самим Николаем Финогеновым убийство дяди «Антихриста» с предварительным показом ему фотографии пруда. Это — зашифрованное в реалеподобных образах сакральное действо — попытка свержения Антихриста, царствующего над земной юдолью. Фотография пруда предстает как эмблематический символ мира, погрязшего в неправде и страданиях, с момента своего появления из водной первоосновы находящегося под властью противника Бога — Сатанаила и его детища — Антихриста. Николай Финогенов ассоциирует самого себя с грядущим Мессией, которому суждено ниспровергнуть последнего ставленника Дьявола. Но для понимания этого эпизода существенно то, что в системе символических соответствий романа герой Ремизова — лишь ложный претендент на роль Христа, на деле оказавшийся неудачным подражателем Сатанаилу.

Символическое соответствие Николая противнику Бога, свергнутому с небес в момент пика своей гордыни, подтверждается «художественным жестом» — попыткой героя спастись, выбросившись из окна. В итоге Николай низвергается вниз, в бездну «невоскресения». Преображения мира не происходит, поскольку ему не предшествует Воскресение, а значит, еще не пришел тот Единственный, Кто способен сокрушить Антихриста.

В идейно-художественной концепции романа лишь Богородица является той единственной божественной силой, которая способна сострадать человечеству. И уже в этом произведении основным источником для трактовки роли вечной заступницы за людей стало апокрифическое «Хождение Богородицы по мукам». Ремизовский эсхатологический миф завершается основным на мотивах этого известного апокрифа заступничеством Богородицы за всех страждущих:

«Далеко от Камушка до сахарного завода и от Воронинского сада до Синички и от Синички через пустырь до Андрониева и от монастыря до красного острога и дальше до края света, напоенное кровью, разливалось жаркое зарево. <...>

А там за звездами, на небесах, устремляя к Престолу взор, полный слез, Матерь Божия сокрушалась и просила Сына:

— Прости им!

А там, на небесах, была великая тьма...

— Прости им!

А там, на небесах, как некогда в десятый покинутый час, висел Он распятый, с поникшей главой в терновом венце...

— Прости им!» [Ремизов: 500].

В «Пруде» Богородица молит Создателя за всех людей в момент, когда земля остается царством Антихриста, а чаемого Воскресения и Пришествия еще не происходит.

Во время своей жизни Ремизов постоянно возвращался к своему первому роману, стремясь переиздать его вновь и вновь. Это желание было выражено и в его планах на 1957 г. — последний год его жизни. Почему же писатель возвращался к своему раннему произведению?

Согласно ремизовскому символическому толкованию современности, полной трагических катаклизмов, в XX в. мир продолжал пребывать в том отрезке религиозно-мифологического времени, когда «Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:40), — в периоде завершения земного искупительного подвига Иисуса Христа, после Его распятия и перед Его Воскресением. Многократное возвращение писателя к совершенствованию своего первого романа, попытки вновь и вновь добиться его переиздания были связаны со значимостью этого текста в системе религиозно-философских взглядов А. М. Ремизова.

Список литературы

1. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 1–6 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Прилож. к тт. XXXVI–LIII «Записок Императорской академии наук». СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1879–1891.
2. Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица: биографический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. Вып. 3. С. 419–447. EDN: YPZHQG
3. Данилевский А. А. Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова «Пруд» // Функционирование русской литературы в разные исторические периоды: труды по русской и славянской филологии: литературоведение / отв. ред. А. Э. Мальц. Тарту: ТГУ, 1988. С. 121–157. (Сер.: Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 822.)
4. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж: [б. и.], 1959. 331 с.
5. Лебедев И. А. Николай Александрович Найденов. 1834–1905 гг. Очерк жизни и деятельности. М.: Тип. «Русская печатня Б. В. Назаревского», 1915. Вып. 1. 90 с.
6. Ремизов А. М. Пруд. Роман (Вторая редакция) // Ремизов А. М. Собр. соч. / А. М. Грачева (гл. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Русская книга, 2000. Т. 1. С. 301–501.
7. Соболев А. Л. Северная ссылка Ремизова: уточнение нюансов // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает: сконапель истоар. М.: Трутень, 2013. С. 176–212. (Сер.: Летейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века; т. 2.)
8. Woźniak A. Aleksy Riemizow na rozdrożach literatury. Studia i szkice o twórczości pisarza. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015. 358 p.

Reference

1. Veselovskiy A. N. Research in the Field of Russian Spiritual Poetry. Issues 1–6. In: *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk. Prilozhenie k tomam XXXVI–LIII* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. Supplement to Vols. 36–53]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1879–1891. (In Russ.)
2. Gracheva A. M. Revolutionary Alexey Remizov: Myth and Reality. In: *Litsa: biograficheskiy al'manakh* [Faces: A Biographical Almanac]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, issue 3, pp. 419–447. EDN: YPZHQG (In Russ.)
3. Danilevskiy A. A. The Function of Autobiography in the Third Edition of A. M. Remizov's Novel "The Pond". In: *Funktsionirovanie russkoy literatury v raznye istoricheskie periody: trudy po russkoy i slavyanskoy filologii: literaturovedenie* [The Functioning of Russian Literature in Different Historical Periods: Works on Russian and Slavic Philology: Literary Criticism]. Tartu,

- The University of Tartu Publ., 1988, pp. 121–157. (Ser.: Scientific Notes of the University of Tartu; issue 822.) (In Russ.)
4. Kodryanskaya N. *Alexey Remizov*. Paris, 1959. 331 p. (In Russ.)
 5. Lebedev I. A. *Nikolay Aleksandrovich Naydenov. 1834–1905 gg. Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Nikolai Alexandrovich Naydenov. 1834–1905. *Essay on Life and Works*]. Moscow, Tipografiya “Russkaya pechatnya B. V. Nazarevskogo” Publ., 1915, issue 1. 90 p. (In Russ.)
 6. Remizov A. M. *The Pond. A Novel* (Second Edition). In: *Remizov A. M. Sobranie sochineniy* [Remizov A. M. *The Collected Works*]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000, vol. 1, pp. 301–501. (In Russ.)
 7. Sobolev A. L. *Remizov’s Northern Exile: Clarifying the Nuances*. In: *Sobolev A. L. Strannolyubskiy perebarshchivaet: skonapel’ istoar* [Sobolev A. L. *Strannolyubsky Overdoes It: Skonapel Istoar*]. Moscow, Truten’ Publ., 2013, pp. 176–212. (Ser.: Leteyskaya Library: Essays and Materials on the History of Russian Literature of the 20th Century; vol. 2.) (In Russ.)
 8. Woźniak A. *Aleksy Riemizow na rozdrożach literatury: Studia i szkice o twórczości pisarza* [Alexey Remizov at the Crossroads of Literature: Studies and Sketches on the Writer’s Works]. Lublin, The John Paul II Catholic University of Lublin Publ., 2015. 358 p. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Грачева Алла Михайловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Отделом новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-098X>; e-mail: irliran@mail.ru.

Alla M. Gracheva, PhD (Philology), Chief Researcher, Head of the Department of the Contemporary Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-098X>; e-mail: irliran@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2026

Принята к публикации / Accepted 19.08.2026

Дата публикации / Date of publication 18.09.2026